

Валерий
ЦУРКАН

г. Сызрань

ДЯТЕЛ СТУЧИТСЯ В СЕРДЦЕ

рассказ

Сегодняшний день выдался тяжёлым и муторным. Сначала был ложный вызов – кто-то сообщил, что у соседей пожар. Приехали туда, а там даже дымом не пахнет. Руки бы оторвать шутникам! А потом будут жаловаться, что их оштрафовали. А вдруг в этот момент где-то настоящий пожар?

Второй вызов оказался по делу. Частный сектор, Севастопольская улица. Ну, это только название, что улица, а так колхоз колхозом, даже асфальта нет. К дому не добраться, а полыхает так, что огонь чуть ли не до неба. Выломали забор и через соседские огороды подъехали поближе, не обращая внимания на оголтелые крики жителей. Жалко им помидоры. А если там люди погибнут? А если огонь на их дома перекинется и они сами останутся только с одними печёными томатами?..

Водитель подвёл пожарную машину как можно ближе к объёмному огнём дому. Ребята выскочили, стали разматывать рукава, схватили инструменты и побежали к избе.

Закопчённый старик с обгоревшими волосами и без бровей отчаянно пытался сбить пламя тлеющим мешком.

– Там... там дети!!! – истошно заорал он, увидев подбежавших парней. – Спасите внуков! Внуки там!..

– Отойди, дед, не мешай!

Старика отвели в сторону, но он всё рвался помогать. Димка-Далик осмотрел его – ожогов сильных не было, только подпалило слегка – и усадил на поленницу дожидаться скорую помощь.

– Сидите здесь, – сказал, – без вас справимся.

Спустя полминуты дед стоял за спинами пожарных, скорее мешая, чем помогая.

– Внуки!.. – дребезжащим голосом приговаривал он. – Спасите детей!..

Ребята сразу определили, что дом горит не весь, только пристройка и две комнаты, хотя со стороны казалось, что это сплошной факел. Из дальнего окна языков пламени не вырывалось. А в пристройке пылало особенно сильно. Кухня, наверное.

Снаружи, чуть в стороне от пристройки, в

металлическом ящике стоял газовый баллон. Повезло, что пламя туда ещё не добралось. Если не убрать, то может рвануть. Артём подбежал к ящику, открыл дверцу. Крутанул вентиль баллона с надписью «Пропан», потом перерубил топором шланг. Схватил баллон, отбежал в сторону и швырнул подальше через забор. Тот упал в огород и покатился, подминая стрелки чеснока. Пронесло. А мог бы и взорваться.

Двое стали заливать дом водой. Другие выставили окно в дальней комнате. Далик был помельче остальных, поэтому, натянув маску, полез в окно. Вслед за ним на всякий случай закинули огнетушитель. Огня там не было, но дыма полно, без маски задохнулся бы в одно мгновение. Детей он нашёл сразу — мальчика и девочку, лет по шести. К счастью, они сообразили укрыться в этой комнате, куда огонь ещё не добрался. Оба лежали без сознания, забравшись под стол. Они будто спали, обнявшись и держась друг за друга, как за последнюю надежду.

«Димка, давай детей!» — послышалось снаружи.

Далик подал сначала девочку, потом — мальчика. Лёгкие, как пушинки. Он увидел, как ребята уложили детей прямо на грядки между ржавыми бочками с водой и принялись делать искусственное дыхание.

— Дети!.. — продолжал дребезжать старик, упав на колени рядом с девочкой.

Далик собрался было перелезть через подоконник, но вдруг в спину его что-то сильно толкнуло, повеяло жаром.

— Димка-а-а! — услышал он крик Артёма, доносящийся откуда-то издалека. — Димка-а-а!

Далик резко развернулся и увидел несколько языков пламени, ворвавшихся в дверь из другой комнаты. Почему-то ему вспомнилась старая сказка, которую в детстве рассказывала бабушка. Он представил себя железным сыном, а огонь — великан, которого нужно победить. Поднял с пола огнетушитель, и струя пены ударила в извивающиеся языки огня, рассекая пламя на две части. Но огонь наступал, он змеился и растекался с обеих

сторон, заставляя корчиться обои на стенах, словно от боли. Далик развернулся к окну, как вдруг понял, что потерял ориентацию. Белый дым застил свет, ничего не видно — куда идти, в какой стороне спасительный выход. Далик бросился назад и бежал, казалось, слишком долго, а стены с окном всё не было. Тогда он метнулся в другую сторону.

Далик заблудился в горящем доме. Он словно оказался в другом месте. Главное — не паниковать. Главное — найти это проклятое окно. Где оно? Где выход? Какая глупая смерть, какого чёрта ему погибать так глупо? Ужас охватил его, и он растерялся. Потерял счёт времени и заплутал в пространстве. Мелькнуло сожаление, что не оставил детей и не будут топтать землю маленькие Далики. Смерть рядом — вот она. Протяни руку — и уведёт за собой.

— Бабушка! — закричал в маску. — Энэкэ!

На какое-то мгновение показалось, что бабушка ответила. Далик услышал стук в своё сердце. Это бабушка постучала, как и обещала когда-то.

Пламя резко опало и съёжилось. Испугалось! В комнату ударил фонтан воды, заливая стены и пол. Дыма стало заметно меньше. А затем в проёме показали двое ребят из пожарного наряда. У одного в руках был багор, а второй держал изрыгающий воду брандспойт. Огонь проиграл битву.

— Ну ты, друг, меня напугал! — охрипшим голосом сказал Артём, сунувшись в окно.

— Да я и сам того... напугался, — признался Далик.

Детей удалось спасти: они наглотались дыма, но обошлось без ожогов. Их увезли вместе с дедом на подъехавшей скорой помощи.

Парни остались сидеть рядом с пожарной машиной. Курили, усталые, но довольные тем, что работа завершена и никто не пострадал.

В пожарные Димка Далик пошёл после армии, когда прочитал объявление о наборе. Трудная работа, опасная. Два раза в больнице лежал с ожогами. Маша, жена Далика, несколько раз просила уволиться, найти другое

место. Но он ни в какую. Людей спасать кто-то ведь должен. Да и зарплата хорошая, поди поищи ещё такую. А летом хотят на Чёрное море поехать отдохнуть, к Машиным родственникам. Где денег взять, если он устроится на лёгкую работу? Лёгкий труд и ценится легко.

Жили они с Машей уже несколько лет, она красавица, он тоже не урод. Всё у них хорошо, да только детей не было, и это обоих печалило, особенно Машу. Два раза проверялись у врачей, и те ничего конкретного сказать не могли — всё, мол, в порядке, ждите, всё должно получиться.

«Ох ты, мой Тунгус, — каждый раз говорила Маша, когда опять накатывало разочарование, — и когда же у нас ребёночек появится? Когда получится-то?..»

Эвенков все так раньше называли — тунгусами. Но слово это не эвенкийское, а чужое, якутское. Далик родился и вырос в Иркутске и любил этот город. А родители его когда-то жили на севере, в Туре, что на берегу Нижней Тунгуски. И все предки оттуда. Традиции своего народа соблюдали. Даже имя сыну дали не русское, как сейчас у всех эвенков принято, а эвенкийское — Далунча. Он всегда стеснялся его и назывался всюду Даликом, а иногда — Димой.

В детстве Далик любил народные сказки. Бабка иногда приезжала в город и рассказывала, если он просил. Но сказки те были страшными, особенно про железного сына. Далик долго боялся спать без света после этой сказки, но каждый раз, когда бабка приезжала, уговаривал рассказать снова.

— Трёхголовый великан украл дочь у старика и старухи, — скрипучим голосом рассказывала бабушка. — И решили они сделать себе сына, чтобы вызволить её. Старик выковал сыночка из железа. А бабка шаманкой была. Убила дятла и вложила его сердце в железную грудь. Сын и ожил.

На этом месте Далик вздрагивал. Он представлял бедную убитую птицу, у которой вырезали сердце, и жалость к ней охватывала мальчика. А бабушка продолжала:

— А потом старик со старухой послали сына

к великану. Долго шёл через леса, нашёл дом, стражу убил и встал перед великаном. А тот страшный! Сверху — человек, а снизу — змей. Железный сын, хоть и ниже чудовища, а сильный. Разрубил проклятого напополам, но вдруг рана зажила и стало два противника — человек и змей. Но и их одолел железный сын, искромсал в куски. А потом забрал сестру и отвёз домой.

А сказке не конец. Знал Далик, что сказка продолжится. Знал, что страшно будет, а всё равно каждый раз просил, чтобы бабушка до конца поведала. До самого конца.

— ...Вернулся железный сын. Устал, спать лёг. А тут за ним пришёл великан, разрубленный на куски. И каждый кусочек в отдельности идёт, ползёт, катится, хочет убить и старика со старухой, и дочь их, и железного сына. Вот-вот убьёт всех, а сын спит. И вдруг прилетел дятел, тот самый дятел, сердце которого вставили в железную грудь. Стал стучать в грудь — туда, где сердце, и разбудил юношу. И снова спас железный сын сестру и стариков-родителей, разметав остатки великана, разрубив мечом до конца, растоптав их ногами.

На этом месте страх отпускал мальчика. Он представлял себя этим железным юношей, в груди которого билось сердце дятла.

— Энэкэ, — спросил однажды маленький Далунча, — а что случилось потом с дятлом? Ему вернули сердце?

— Не знаю, хутэ², — ответила старуха, удивлённая вопросом. — В сказке об этом ни слова. Наверное, они подружились, ведь у них одно сердце на двоих. Вот как у нас с тобой. У тебя ведь тоже есть кусочек моего сердца, моя кровь в твоих жилах течёт. И я всегда готова на помощь к тебе прийти. Если опасность тебя настигнет — я постучусь туда, где твоё сердце, и ты меня услышишь. И я тебе помогу.

Бабушка давно умерла. Похоронили её в далёкой Туре, под молодой берёзой, на берегу Нижней Тунгуски. Отца с матерью тоже нет уже лет десять. Отец как-то рассказывал, что энэкэ была сильной шаманкой, ведьмой, но никогда без надобности страшным даром не пользовалась. Далик в это верил. А как не по-

верить, если каждый раз, стоило бабушке приехать в Иркутск, в небе всегда светило солнце, хоть до этого неделю над городом висели тяжёлые тучи. Она разгоняла тучи, Далик это знал. Она многое умела, его энэкэ.

Далик вернулся домой поздно вечером. Маша уже спала. Не раздеваясь, лёг спать, но не с ней, а в другой комнате. Мыться не стал, принял душ на работе. Хоть дважды вымойся после пожара, хоть трижды, но от тебя будет нести гарью. От этого запаха Машка сразу проснётся. Пусть спит, не станет Далик тревожить жену этим проклятым и страшным запахом. А то скажет: «Ох, Тунгус, опять на пожаре был?» И станет запоздало переживать. А зачем нервы тратить, если всё прошло?..

Сегодняшний случай потряс его. Он чуть не погиб! Растерялся, запаниковал, и только чудо спасло его. Если бы ребята не успели, то всё, сгорел бы. Или это бабушка помогла?

Уснул сразу. Приснилось, что он железный сын, идёт спасать свою сестру. Но великан не такой, как бабка рассказывала, а из огненных языков. Он весь — пламя. А сестра, которую спасал Далик, оказалась Машкой. Он рубил великана топором, потом поливал пеной из огнетушителя. Долго бились... Сон тяжёлый приснился. Победил Далик великана. Разрубил на части, залил пеной. Умер великан. Вернулся Далик домой, Машку свою вернул. А сам лёг спать. Уснул, усталый, а тут ему, спящему, тоже снится сон. Снится, что прилетел дятел и долбит клювом туда, где сердце. И кричит, а голос почему-то бабушкин: «Проснись, хутэ! Великан вернулся! Хочет убить тебя и жену твою, и сына! Он уже здесь!»

Далик с трудом разлепил веки. Не сразу различил, где сон, а где явь. Какой сын? Нет у него сына!

Ноздри щекотал такой знакомый запах врага. Дым! Страх обуял его. Но не тот ужас, что сковывает человека или заставляет метаться в панике, а другой, принуждающий хладнокровно действовать. Ведь там Машка спит, беспомощная, а великан собрался её убить.

Далик рывком вскочил с постели. Прав оказался приснившийся дятел с бабушкиным голосом. Великан вернулся. Пожар!

Как был, в трусах, Далик выбежал из комнаты. Кухня горела. Он забежал в ванную комнату и увидел, что Машка недавно замочила бельё в большом тазу. Всё хотели купить машинку-автомат, да пока так и не собрались. Схватив мокрую и тяжёлую простыню и размахивая ею, как мечом, бросился на кухню. Сбил пламя с занавески. Сорвал остатки с гардин, бросил на пол, сверху мокрую простыню накинуд и затоптал босыми ногами. Выключил газовую плиту. Эх, Машка, забыла чайник выключить!

— Что случилось, Тунгус? — услышал напуганный голос Машки.

— Дятел меня разбудил, — сказал Далик. — Он спас нас. Чуть не сгорели!

— Какой ещё дятел?

— Сейчас расскажу, — сказал Далик, открывая окно и впуская в квартиру свежий воздух.

— Дыма-то сколько! — Маша, сонная, в ночнушке, прошлёпала босиком к стене и включила вентилятор на вытяжке.

— Ну ничего, всё обошлось.

— Знаешь, Тунгус... сейчас, наверное, не самое подходящее время об этом говорить... но я скажу. — Маша улыбнулась. — У нас будет ребёнок.

Далик подошёл к ней, обнял. Маша ткнулась носом ему в плечо.

— А я уже знаю, — ответил он. — У нас будет сын.

— Ты-то откуда знаешь?

— Дятел рассказал.

Он всегда верил, что бабушка была шаманкой и ведьмой, «хаптай»³ когда-то называли таких в его народе. Это она постучалась в сердце, как и обещала. Не бросила своего хутэ даже после смерти.

АМАРОК

рассказ

Александр Святогоров в эту ночь почти не спал. Едва прилетел в Александровск, как снова отправляют на линию. Два часа лишь покемарил. Теперь нужно подготовить самолёт — и опять в рейс. В Хабаровск. Опытных пилотов не хватало, и приходилось работать на износ — только за последние две недели налетал семьдесят пять часов — месячную норму.

На летающую лодку «Савойю» его перевели относительно недавно. В Дальневосточном управлении Гражданвоздухофлота было всего три таких машины, закупленных в 1932 году у итальянцев.

Нервы за последнее время изрядно истрепались, виной этому странная история, произошедшая полтора года назад.

В тот раз Святогорова в составе спасательной экспедиции отправили выручать оставшихся на льдине челюскинцев. В феврале тридцать четвертого года его командировали во Владивосток, где самолёт загрузили на пароход «Совет», поставили на полозья и перекинули к Чукотскому морю. К тому времени, когда Святогоров на своей «Савойе» добрался до челюскинцев, там уже успели побывать несколько полярных лётчиков.

Четырёхчасовой перелёт надо льдами почти вслепую, когда ты ничего не видишь, кроме сверкающего снега, — это был один из самых сложных полётов в его жизни. Самолёт опустился на льдину, и тут же его начали готовить к вылету, выгружать медикаменты, топливо и провиант. Нужно было забрать столько людей, сколько сможет поднять борт, и вернуться к базе.

Почти сразу после посадки это и случилось. Вдруг потянул пронизывающий холодный ветер, и на льдине появился огромный белый медведь. Тихо, не издавая ни звука, зверюга

приближалась к людям. Внешне спокойный зверь таил в себе угрозу. С виду такой милый и красивый, медведь был страшен и опасен.

Бортрадист Ефремов бросился в самолёт и, вытащив из кабины двустволку системы Пипера, которую всюду носил с собой, быстро зарядил и всадил в зверя две пули. А тому хоть бы хны.

— Вот гад! — заорал Ефремов и зарядил ружьё снова.

Медведь сменил траекторию и направился к самолёту. Шкура обагрилась кровью, но зверь будто не замечал этого. Он злобно рычал, а маленькие глаза его смотрели на человека с ружьём.

— Раздразнил ты зверя! — закричал Стыченко, вскарабкиваясь на крыло.

Бросив ружьё, Ефремов убежал. Святогоров подобрал пипера, прицелился и всадил в хищника ещё два заряда. Медведь остановился, удивлённо осмотрелся и пошёл на пилота. В последний момент тот успел зарядить оба ствола и выстрелил уже в упор, в морду, в маленькие чёрные глаза. Медведь глухо зарычал и упал. Святогоров обессиленно сел рядом с истекающей кровью тушей, обхватив ружьё трясущимися руками.

Стыченко спрыгнул с крыла и подбежал к медведю.

— Ну ты даёшь, охотник! Эй, герой, можешь не убежать, — обратился он к Ефремову, прятаясь за корпусом самолета.

Ефремов вернулся.

— Ого, — только и сказал он.

Святогоров отлепился от ружья и бросил его в снег.

Подошёл врач Старокадомский, которого взяли на борт, чтобы он осмотрел людей.

— М-да, а ведь могло быть и хуже. Я бы сшить вас уже не смог.

Обессиленные челюскинцы тоже обступили тушу медведя. И вдруг сквозь толпу пробились небольшой старичок, узкоглазое широкоскулое лицо его сморщено в страдальческой гримасе.

— Что же вы наделали?! Хозяина Нижнего мира убили. Однако беда придёт. Ты убил? — строго посмотрел на Александра. — Вот ты и ответишь за всё. Огнём спасайся. Огнём. Он огня боится.

— Кто огня боится? — не понял Александр.

— Амарок. Он тебя найдёт и разорвёт. Как только почувствуешь ледяной холод — жги огонь, тогда он отступит. Но однажды доберётся до тебя, сожрёт, проглотит.

— Чушь какая-то.

— Чушь, говоришь? — горячо говорил старик. — Вот узнаешь. Почуешь холод за спиной — беги и жги огонь. Иначе конец тебе. Но огонь когда-нибудь погаснет. Вот тогда волк тебя и сожрёт!

— А вы-то откуда взялись? Кто вы такой? — раздраженно спросил Александр.

— Я-то? Нанук имя моё. Вот вы мишку зачем убили? Не на охоте, а просто так. Испугались, да? А может быть, он бы вас и не тронул! А теперь Амарок тебя сожрёт за это. Так будет!

Старик вдруг легко поднял тушу медведя, взвалил на плечо, будто это не зверь весом в три центнера, а мешок с пшеницей, и пошёл со своей ношей прочь от лагеря, проваливаясь по колено в снег. Лапы медведя прочерчивали в снегу глубокие борозды.

— Кто это? — спросил Александр.

— А шут знает, — ответил один из челюскинцев. — Впервые видим.

Так и осталось загадкой, откуда взялся этот странный старик и куда подевался. Пока суть да дело, того и след простыл. А ведь до берега далеко, эскимосов и луораветлан⁴ здесь не бывает.

В следующий раз, когда снова прилетел на льдину, Александр и правда почувствовал лютый холод за спиной. И пока готовили самолёт к старту, на всякий случай разжёг небольшой костерок рядом с самолётом, подпалив керосин в ведре. И холод отступил.

Нервы шалили, защищённым он чувствовал себя только в воздухе. Спускаясь с небес, ощущал за своей спиной морозное дыхание смерти. Первое время каждый раз оборачивался, но, понятное дело, ничего не видел, никаких духов нижнего мира, никаких волков. Не к психиатру же обращаться, этак без работы останешься. Постепенно взял в привычку всегда жечь спасительный огонь. Бумагу в пепельнице, промасленную ветошь рядом с самолётом — всё, что горело, всё, что можно поджечь. И холод смерти отступал.

Однажды Святогоров перевозил старателей и охотников из Владивостока в Хабаровск, и лётчик стал расспрашивать мужиков о поверьях северных народов, о том, кто такие Нанук и Амарок. И старый охотник рассказал ему, что Нанук — хозяин медведей. Если человек нарушает правила охоты, туго ему придётся, накажет Нанук. А Амарок — дух огромного северного волка, который пожирает охотников. Если задумал Амарок кого сожрать, то не отвертишься, проглотит и не подавится.

Самолёт приготовили. Александр сидел в тесной комнатке деревянного барака — в гостинице для лётчиков. В пепельнице догорал газетный листок со статьей об убийстве Кирова. Дверь растворилась, и вошёл начальник гидропорта Александровск Моничев.

— Ты уж давай не подведи, Александр Палыч, — попросил он Святогорова. — Выспался хоть?

— Выспишься тут. Только прилетел — и снова в полёт, — сказал тот.

— В общем, рейс этот очень важный. Главбух тракторной станции выручку везёт в Хабаровск, огромные деньги. Мне голову снесут, если что случится.

— Не бойся, не подведу. Но устал я жутко. Хоть в могилу ложись. Прордыху не даёте мне, гоняете, как щенка.

— А что сделаешь? Нет у нас лётчиков, — только развел руками Моничев.

Самолёт вылетел в 10:40. Путь пролегал над Татарским проливом, а потом над Амуром до

самого Хабаровска. Подняв «Савойю» и дав указание бортмеханику, Александр лёг спать — делал так в последнее время, потому что не высыпался.

Спустя некоторое время его разбудил бортрадист Ефремов.

— Саш, тут это... туман.

Александр сел за штурвал. Они летели в плотном тумане.

— Где мы сейчас летим?

— Не знаю, — мрачно сказал бортмеханик Стыченко. — Я думал, к Де-Кастри выберемся, но, кажется, пролетели мимо.

— Под нами что?

— Пролив.

— Угу... сколько летим уже?

— Часа два, наверное.

— Балда. Мы, похоже, уже у Лазарева. Надо снизиться для ориентировки. Повернём к материку, чай, Амур не пролетим. А там по нему пойдём. В крайнем случае сядем на воду, если прижмёт.

Дальше летели, всматриваясь в три пары глаз, но так ничего и не обнаружили. Не заметили и сопку, которая неожиданно выросла перед «Савойей». Александр увидел её, густо заросшую деревьями, в самый последний момент и попытался поднять самолёт, но было уже поздно. Глухой удар, хруст и треск слились с криками боли и ужаса. Кричали пилоты, кричали пассажиры. Казалось, кричал от боли сам самолёт.

Александр очнулся от ощущения лютого холода. Туман рассеялся. Летний день, откуда бы взялся такому ледяному холоду? И вспомнил — это дыхание смерти. Эта проклятая тварь, дух волка, огромный Амарок снова пришёл за ним. Надо жечь огонь.

Попытался подняться, но не смог. Не сразу понял, что ноги переломаны. Нашупал в кармане бензиновую зажигалку. Найти бы, что горит, и поджечь. Приподнял голову и огляделся. Он лежал под сопкой, а вокруг переломанные деревья, разбросанные части самолёта, исковерканный винт, куски хвостового оперения с красными полосками. Рядом — раздавленное переломленным стволом сосны

тело бортрадиста Ефремова. Чуть поодаль — ещё чьи-то останки. Все мертвы, он единственный выживший. А смерть подбирается. И чтобы выжить, нужен огонь.

Стал ползать по траве между изломанными деревьями и нащупывать попавшиеся предметы. Рука наткнулась на толстый кожаный портфель. Деньги, которые перевозил бухгалтер машинно-тракторной станции. Много денег.

Вдруг Александр почувствовал лёгкое движение позади. С огромным трудом, превозмогая острую боль, развернулся — никого. Только ледяное дыхание.

Руки нащупали металлические замки на портфеле. Щёлк! Связанная ниточкой пачка денег вывалилась на мокрую траву. Александр сел, прислонившись спиной к сосне, разорвал ниточку и рассыпал купюры. Щёлкнул зажигалкой. Не горит. Щёлкнул второй раз. Фитилёк вспыхнул. Поднёс купюру к тонкому, слабому пламени. Бумага нехотя загорелась. За спиной вдруг кто-то протяжно завыл. Холод отступил.

Александр пытался разжечь ветки, но они, отсыревшие в тумане, да ещё после прошедшего недавно дождя, не горели.

Амарок бродил где-то рядом, но не приближался. Александр слышал вой и хруст веток то с одной стороны, то с другой. Волк ждал, когда погаснет огонь, и на глаза не показывался.

Денег оказалось очень много, Александр никогда столько не видел. На них можно было бы сто раз купить весь торгсин в Хабаровске. Но бумага горит быстро. К вечеру деньги стали заканчиваться, хоть он и жёг их экономно.

И он увидел Амарока. К нему приближалось огромное существо, белый волк с горящими красными глазами и сверкающими длинными клыками. Он шёл, низко пригнув голову, почти касаясь мордой травы, готовый броситься на свою жертву в любое мгновение. А за ним, скрестив на груди руки, стоял Нанук. Он молча наблюдал за тем, как Амарок, клаясь зубами, медленно, кругами, подходил к пилоту.

«Огнём спасайся. Огнём. Он огня боится»,
— вспомнились слова, сказанные полтора го-
да назад.

Расстегнув кобуру, выдернул из нее имен-
ной пистолет системы Коровина и выпустил
в волка всю обойму. Но Амарок боялся толь-
ко огня. Может быть, если были бы серебря-
ные пули...

Деньги закончились. Никогда раньше
Александр не был таким транжирой, как в
свой последний день.

* * *

Сообщение ТАСС от 3 июля 1935 года

*«Гидросамолёт с бортовым номером «Л-840»
под управлением пилота Святогорова, вылетев-
ший 26 июня из Александровска на Сахалине в
Хабаровск, до сего времени не прибыл к месту
назначения».*

Примечания

- ¹ Энэкэ (эвенк.) — бабушка.
- ² Хутэ (эвенк.) — внук.
- ³ Хаптай (эвенк.) — колдунья.
- ⁴ Луораветланы — чукчи.

Валерий Алексеевич ЦУРКАН

родился в 1971 году в Алма-Атинской области КазССР.

Пишет стихи и прозу, увлекается фантастикой.

*Публиковался в журналах «Искатель»,
«Знание — сила. Фантастика», «Очевидное и невероятное»,
«Химия и жизнь», «Дарьял», «Млечный Путь»,
а также в сборниках.*

Издавал сетевой журнал фантастики «Разноцвет».

Автор сценариев к двум аудиосериалам.

*Победитель литературных конкурсов
для писателей-фантастов.*

С 2003 года живет в Сызрани.

В журнале «Север» публикуется впервые.

